

Дело было на Южном Урале.
Шел 1944 год.

Весеннее утро. В квартире старого обветшалого деревянного дома ярко светило солнце, лучи которого, проникая сквозь окно, рисовали на полу яркий орнамент занавески. Хозяин дома Елисей Аркадьевич Кулаков¹, совсем незнатного рода, будучи молодым, погиб на войне. Осталась вдова, Татьяна, с сыном Андреем четырнадцати лет. Продолжалась изнурительная Великая Отечественная война. От бывшего домашнего имущества остался один дым. Татьяна изредка приносила с мельницы просыпанное мукомолами зерно, дома очищала его от мусора, затем пропускала через ручную мельницу. Из этой муки пекла лепешки, и голодные дети им радовались!

Дом опустел. Из домашнего убранства уже ничего не осталось: все поменяли, что не поменяли, то продали, остались только подушки. Но подушки — не трогали.

Кроме Татьяны с Андрюшкой, в квартире жили дедушка Тихон с двумя сыновьями, Аркадием и Евгением. Жена Тихона — Дарья — умерла еще до войны. Татьяна, будучи истинно русской женщиной, всегда сочувствовала страждущим и кормила Тихона и его детей наравне со своими. В беде все друг другу родня!

Дедушке Тихону приходили совсем недобрые вести с фронта: один сын полег на полях Украины, другой пропал без вести, двое других вернулись тяжело ранеными.

Дедушка Тихон с сыном Аркадием и Женей летом сторожили картофельные и гороховые поля в колхозе. Эта работа была непростая. Картошку украдкой

подкапывали нежданные гости, на гороховое поле мальчишки шли гурьбой. Голод — не тетка. Тихон жалел ребят, которые рвали стручки, делал вид, что не замечает. Еще одним хранителем колхозных полей был главный объездчик на лошади Степан Иглов. Если увидит кого постороннего на гороховом поле, то бьет плеткой. Ребята просили пощады, а он все равно продолжал сечь. Зверь, а не человек. Осенью, как правило, ребята отправлялись на заработки к вдовам пилить дрова или выполняли еще какие-то хозяйственные работы. Когда Аркадию исполнилось пятнадцать лет, пришел и его черед. Отец постоянно нанимался на работу конюхом в артель «Красная швея». Когда отцу стало тяжело ухаживать за лошадьми, он стал поручать эту работу Аркадию. Сам ходил с Женей по дворам и громко выкрикивал, как глашатай: «Не

¹ Названия населенных пунктов и имена героев изменены.

требуется ли хозяйка выполнить какую-нибудь работу»? Однажды Тихон с Женей попали впросак: зашли во двор одного дома, где висело выстиранное белье, как сплошная пелена. Ничего не видно. Вдруг, откуда ни возьмись, на них выскочила цепная собака — овчарка, мощными клыками схватила Женю за руку и повалила на землю. Собака готова была исполосовать ребенка, но тут на защиту сына бросился Тихон. На лай выбежала хозяйка и оттащила пса. Она извинялась, вся дрожала: «Наверное, собака покусала мальчишку, да и, видать, вас тоже. У калитки есть же звонок, что ж вы не позвонили?» «Ничего, ничего, — говорит Тихон, — нас кусали собаки, не впервой. Заживет, как на собаке, не переживайте, дамочка», — отвечал Тихон. А сам смотрел: хозяйка вроде не бедная благодаря своему мужу, бывшему хозяйственнику, который ушел на фронт. И говорил ей: «Мы бы хотели поработать у вас, можем пилить дрова, можем убрать навоз в сарае, заготовить сено для скотины на зиму». «Я согласна, — говорила хозяйка, — напилите дрова и уберете навоз из сарая, да хорошо бы было, если вы заготовите скотине сена». «Сделаем, — вторил ей Тихон».

Приступили было к делу. А Жене только исполнилось тринадцать лет, пилить дрова отцу с ним — проблематично, силенок маловато, да и ростом еще невелик. Он пошел с отцом, чтобы дома не сидеть. Но Тихону тяжело пришлось. Денег они зарабатывали мало. За целый день — только на буханку хлеба. Правда, когда были напилены все дрова и поколоты колуном, хозяйка звала покушать.

А потом Тихон с Женей заготавливали сено на лугу, рядом с кузницей, сушили, копнили и возили к дому, делали омет. Хозяйка была довольна. Такие дни для

них были праздниками. Хозяйка кормила картошкой, жаренной на сале, давала даже денег. Тихон своими крючковатыми и шершавыми пальцами считал деньги, аккуратно складывал в карман. Жене не говорил, сколько. Обветшавшие серые штаны хранили тайну Тихона. Потом часто щупал, на месте ли деньги.

Ноги Жени все в болячках. Жалел Тихон сына и сильно расстраивался из-за него. Сын плохо одет, нет ботинок, верхней одежды, одна не по размеру теплогрейка.

Жене снились друзья-мальчишки, родственники, с которыми он до войны очень часто встречался. Вместе они ходили на речку купаться и загорать, а ночью пасли колхозных лошадей. Колхозный конюх Еремей — мастак на всякие побасенки — рассказывал:

— На нашем местном кладбище каждую пятницу мертвые в темных балахонах с белыми башлыками встречают всех проезжающих, просят подаяния, поскольку это их земля. Некоторые смелые не терялись, отвечали: «Ваше место, мертвецы, на погосте». «Да, ваше место тоже будет на погосте, — кричали мертвецы в белых башлыках. — Поэтому проживите эту жизнь достойно и праведно. Мы с вами обязательно встретимся в нашем городке».

— Дядя, Еремей, зачем вы нам такие страсти рассказываете, разве могут мертвые бегать и просить подаяния? За вранье вас бог накажет.

— Женя, я разве врун? Я правду говорю, в моем роду брехунов не было.

Некоторые ребята шушукались, говорили: «Неужели дядя Еремей правду рассказывал?» А Женя отвечал: «Не верьте, обманывает нас Еремей». Он был авторитетом среди ребят, и ему верили и не волновались особо.

В Судариках жил до войны брат Жени Афанасий. Он погиб

на фронте. Лежал на нарах, Женя часто вспоминал, как они ездили верхом на лошадях на речку, на водопой. Хорошо плавать верхом на лошади. Лошадь плышет, как корабль, только фыркает часто.

Где теперь Миша, Федя и Саша, дети Афанасия? У них были рюхи и старенький велосипед, на котором все научились кататься. Женя совсем размечтался: «Смогу ли я сейчас прокатиться на велосипеде?» Как хорошо бы их всех повидать!

Женя часто вспоминал предгорья Урала, много раз ему снилось мелколесье перед дремучими зарослями, липовые поросли и на них паутина, изумительно тонкая работа. Пауки ловили мух, которые запутывались в этих сетях. Женя только удивлялся прозорливости пауков. Как хотелось ему, чтобы все это стало явью непременно сейчас, сегодня! Обнять всех друзей детства и рассказать обо всем, что видел в своей жизни, даже рассказать о том, как он чуть не уехал на фронт, жалко только, его не взяли. Об этом сокровенном желании Женя помнил всегда. Но осуществить его не так-то было просто. Деревня Сударики, где были его друзья, находилась километрах в шестидесяти, там же жила жена родного брата Аксинья со своими детьми. До войны часто он ездил с папой и мамой к ним в гости. Афанасий, его дети Женю любили и хорошо привечали. Там же он встречался со своими бывшими друзьями...

Воспоминания для Жени — тревога и боль. Он старался отвлечься, хотел было попросить разрешения у отца на это безумное путешествие, но боялся.

И вот однажды ранним утром решил. Обратился Женя к отцу, чтобы он разрешил повидаться с племянниками и друзьями детства. Над просьбой Жени отец долго размышлял: надо пройти за день шестьдесят километров.

Обуви у Жени нет, нет ни корки хлеба. И все же отец скрепя сердце разрешил. А Женья на радостях даже забыл взять с собой воды.

Женья хорошо знал дорогу. Дорога была одна — шоссейная, посыпанная мелкой галькой, укатанная конными повозками, которые ездили между станциями Дворики и Бобрики, расстояние между ними примерно сто километров. Деревня Сударики находилась примерно на полпути. Поначалу Женья обрадовался. А сердце у отца, конечно, было не на своем месте, он волновался, но отказать в просьбе сына не мог.

Женья шел быстро, не оглядываясь назад. Боялся, что отец передумает. Надо скорее выйти за город. Когда он оставил город позади себя, глубоко вздохнул. Вот она, свобода, навстречу ему яркое солнце, ветер дует прохладой в лицо. Ускорив шаг, помчался навстречу судьбе. Ноги его босые, привыкшие к каменистым тропам, жнивью и болотам, шагали ходко.

Да, да, по болотам. Он мальчишкой помнил, как среди камышей в болоте добывал мох, чтобы заработать хоть какие-то копейки на хлеб насущный. При этом столько порезов осталось от острых лепестков камыша и осоки, не сосчитать.

Мальчишка не знал, сколько прошел километров. Впереди бежит дорога коричнево-желтой лентой, то подъемы, то спуски, он потерял им счет, жарко, хочется пить, но нет воды. Сомнения и страх начали его одолевать. Женья даже запаниковал: зачем он отправился один в далекий путь без воды, без провизии? Слезы готовы были брызнуть из глаз, но сухо и слез не было.

И вот вдруг то ли померещилось, то ли галлюцинации от долгой ходьбы по однообразной дороге. Но смотрит мальчишка: в гору от моста поднималась

стая. Глядь, а это стая волков, наверное, сытая, потому что идут тяжело. По рассказам отца знал, что волки бросаются на добычу всей стаей и в несколько секунд могут распотрошить. Спина похолодела, мурашки по коже пошли, ближайшая деревня от дороги примерно в трех километрах. Негде укрыться, скорее бы волки уходили подальше от него. Волки поднялись на гору и повернули к лесу. В стае волчьи законы, у каждого свои обязанности. Заранее все определено, кто будет идти впереди, кто посредине и кто позади, малышей строго охраняют и берегут, старых, уже немощных волков, тоже не бросают. Но волкам было не до Жени, они шли по своим делам. Видать, недавно задрали лошадь, были сыты, иначе, может быть, не сдобровать Жене. Как раз возле речки в низине паслись лошади. Пастухов двое. Один, загорелый пожилой мужчина, сидел верхом на серой довольно упитанной кобыле, крайне растерянный, часто заикался, одет был в старый поношенный бешмет, на ногах лапти, на голове шапка-ушанка. Поджидал на бровке дороги кого-либо, чтобы рассказать о трагедии. Второй табунщик, красный, весь в прыщах, больше молчал. Подъехали к Жене и все ему выложили:

— Эта лошадь немного прихрамывала, — говорил табунщик, часто шмыгая носом, — и всегда отставала от табуна. Волки кинулись всей стаей на эту бедную лошадь, моментально с ней справились, свалив ее на землю. Остались только кости и копыта. И что теперь я скажу председателю колхоза? Мария Федоровна может и не поверить, что случились несчастье, может быть, ты подтвердишь?

— Дядя, я ведь нахожусь в пути, у меня нет времени давать объяснения, — ответил Женья.

— Но, друг, пожалуйста, вырчай, дам тебе лошаадь, погоним табун вместе с тободь, и ты расскажешь, что ты видел.

— Я скажу, что видал недалеко от этого места сытых волков. Остатки после трапезы волков покажешь сам.

На том и решили. Отъехали от места разбоя. Лошадь была хорошая, послушная. Быстро доскакали до деревни Дубки — и прямо к председателю. Рассказали о происшедшем несчастье. Мальчишку председатель кратко расспросила, кто он и куда идет. Мальчишка объяснил. На сем интерес председателя был исчерпан. «Хотя бы накормили, — подумал Женья, — но у них уже другая забота, как отчитаться перед районным руководством за то, что волки задрали лошаадь». Женья только попросил воды. Напился от души, стало немного легче. Наверное, можно простить эту бедную женщину и пастухов, ведь на добро они не ответили добром. Женья понял: у них у самих несчастье. Но переживать некогда. Снова — в дорогу. Сгущались сумерки. Вот она, моя священная деревня Сударики. Женья, несмотря на усталость, запрыгал радостно, высоко поднимая руки. «Вот она, моя родная деревенька, сколько лет я тебя уже не видел? Пожалуйста, с начала войны!» — вскрикнул он, но голоса своего не услышал.

Вдруг совсем обмякли у Жени ноги, идти дальше не было сил. Он сел на краю дороги и горько заплакал. Пастухи, видя, что у канавы сидит мальчик и плачет, спросили: «Почему ты плачешь, от радости или от горя?» Он сказал: «Наконец дошел до своей деревни, но вот идти теперь не могу, ноги не слушаются». «К кому идешь?» — спросили пастухи. «К Кулаковым», — ответил Женья. Пастухи улыбнулись, поставили его на ноги. «Раз ты идешь к уважаемому нами человеку, мы

тебя доставим к месту». Взяв его нежно под мышки с двух сторон, привели в дом Кулаковых. Ноги Жени уже стали давно деревянными, ступни, бедра ничего не чувляли.

Сноха, жена брата, изумлена была его поступком. Женя не стал ничего пить и кушать. Скорее добрался до нар и положил ноги высоко на перины. Ноги — сплошная боль. Ночью плохо спал, вскрикивал от боли и судорог. Сноха натирала ему ноги горчичным маслом, чтобы не было хотя бы судорог. Пришлось сидеть дома, два дня не выходил на улицу. Племянники радовались Жене, расспрашивали, как они живут с отцом. Женя отвечал скудно, не всегда разборчиво. На третий день Женя ожил и стал общаться с родными племянниками и своими товарищами. Сноха угощала всех пшеничными блинами. Они вспо-

минали свое детство, родную школу, учителей и тех, кого уже нет в живых. Впечатления от встречи остались глубокие, небывалые. Зов дружбы и любви оказался сильнее всех преград.

Через неделю Женя полностью пришел в себя, боли в ногах стали проходить. Он все чаще вспоминал об отце и брате, они наверняка за него сильно переживали.

И вот однажды утром сказал снохе, что он завтра отправится в обратный путь пораньше. Вечером попрощался с друзьями. В дорогу сноха приготовила котомку с хлебом, картошкой, с молоком и водой, положила два вареных яйца.

Утром проснулся ни свет ни заря, ребят не стал будить и отправился в обратный путь.

Дорога стала привычной, шагал легко и быстро. Место встречи с волками прошел с большой

опаской, но волков не встретил. Оставалось совсем немного идти, но тут, откуда ни возьмись, стали падать на шею дождевые капли, началась гроза, то и дело сверкали молнии, гремел гром, потом подошла совсем черная громящая грозная туча, которая поливала как из ведра. Хорошо, рядом оказался небольшой мост, под мостом переждал непогоду. Дома его все ждали, вопросы задавали сразу все вместе, и он даже не успевал отвечать. Отец больше молчал и слушал. И тихо подумал: вот моя смена уже приходит. А потом и расплакался то ли от радости, то ли от переживаний. А еще подарил сыну ботинки на деньги, которые копил в своих серых штанах. Женя обнял отца и ботинки, и все вместе заплакали.

Дружба и любовь к малой родине — сила великая!